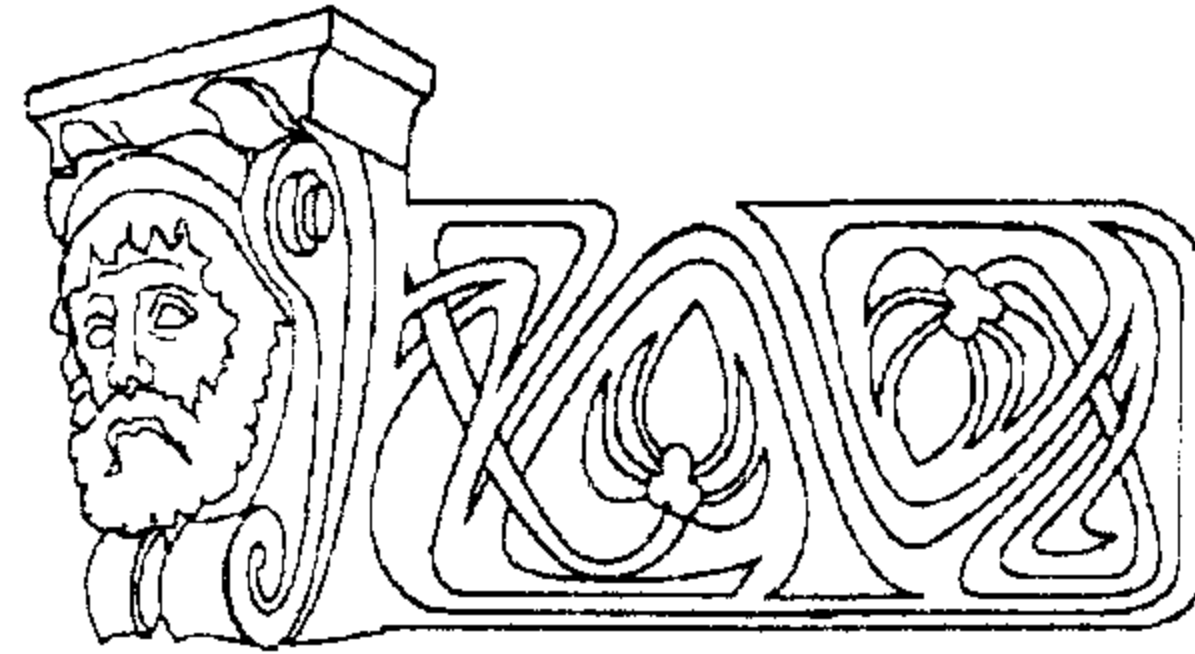

УДК 882.09-3 + 929 Салтыков-Щедрин

БИБЛЕЙСКОЕ СЛОВО В «БЛАГОНАМЕРЕННЫХ РЕЧАХ» М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ТЕКСТЕ РАССКАЗЧИКА-ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ И ДИАЛОГАХ ГЕРОЕВ

Г. Ф. Самосюк

Саратовский государственный университет,
кафедра истории русской литературы и фольклора
E-mail: Philology@sgu.ru

В статье прослеживаются формы бытования библейского слова в «Благонамеренных речах» (1872–1876) и его функционирование в тексте рассказчика-повествователя и диалогах героев.

Biblical language in "Well-intentioned speeches"
by M.E. Saltykov-Shchedrin and its functioning
in the narrator's speech and the characters' dialogues

G.F. Samosyuk

The article traces forms of Biblical language in "Well-intentioned speeches" (1872–1876) and its functioning in the narrator's speech and the characters' dialogues.

«Благонамеренные речи» (1872–1876) – одна из самых зрелых социальных сатир Салтыкова-Щедрина, в которой он, однако, не прибегает к излюбленным приемам гротеска и шаржа. Писатель художественно-публицистическими средствами исследует здесь эпоху русской жизни 70-х гг., характеризующуюся прежде всего капитализацией пореформенной России, изменением экономического положения помещиков и крестьянских масс, нравственного состояния того и другого сословия.

Автор «Благонамеренных речей» продолжил разработку давно волновавшего его вопроса об «алтарях», «краеугольных камнях», «основах» как официальных опорах общества. В известном письме Е. Утину от 2 января 1881 г., среди прочих проблем Салтыков разъяснял, что он понимает под «священными принципами», «современными основами». В «Благонамеренных речах», по его словам, он «обратился к семье, к собственности, к государству и дал понять, что в наличности ничего этого уже нет»¹.

Как художник-сатирик Салтыков развенчал те «основы» и «союзы», во имя которых произносились «благонамеренные речи»

многими его современниками, в частности, профессором Московского университета Б. Чичериным. Писатель погрузил теоретические послышки историков и социологов в гущу реальной русской жизни конца 60 – 70-х гг. и показал, что, действительно, «ничего этого» «в наличности уже нет». Все главы, сцепленные в единое идейно-содержательное целое, все главнейшие типы-характеры, многочисленные сцены, диалоги и монологические размышления рассказчика – все подчинено отнюдь не головной идее распада, разложения, исчерпанности «священных принципов» и «союзов».

Для решения своей «программы» Салтыков прибегает к ряду художественных приемов: это и публицистический анализ действительности, и яркая жанрово-бытовая сценка, и диалог, стимулирующий развитие события, и авторская (нередко через рассказчика) оценка конкретного вопиющего факта, и саморазоблачающие, самообнажающие реплики и характеристики, и бытовая зарисовка, сопровождающаяся едкой авторской иронией, и тонкое психологическое письмо, и, наконец, библейские образы, реминисценции, ситуации, выражения, которыми сатирик мастерски насыщает свой текст².

Проблема бытования библейского текста в сатире Щедрина мало изучена. Несомненно, результативным в этом смысле является двадцатитомное собрание сочинений писателя под редакцией С. А. Макашина, в примечаниях к которому зафиксированы почти все случаи включения в щедринские тексты разного рода библеизмов, указаны источники, в некоторых случаях расшифро-

ван их смысл. Именно такая работа проделана и комментаторами «Благонамеренных речей» (Т. 11, Т. Г. Динесман, С. А. Макашин).

Следует учесть и опыт Н. П. Матвеевой по составлению словаря-справочника «Библеизмы в русской словесности»³, включающего в себя, наряду с пояснениями смысла библейских текстов в творчестве других писателей, толкование цитат, афоризмов и имен из Библии в сатире Щедрина, в редких случаях – в «Благонамеренных речах». К сожалению, автором не выявляется идейно-стилистическое наполнение библеизмов в контексте фрагмента сюжета или в структуре образа.

Наше внимание привлекла и работа Б. И. Матвеева «Библеизмы в прозе Салтыкова-Щедрина»⁴. Признавая, что Священное Писание «оказало на Щедрина не только нравственное, но и эстетическое воздействие», автор выясняет место в его творчестве сюжетов, образов, крылатых слов, взятых из Библии. Разделив все библеизмы на три группы (собственные имена, фразеологизмы и афоризмы), исследователь анализирует их функции, стилистическую окраску, наполнение новым содержанием иногда с изменением лексического состава. В редких случаях Б. Матвеев привлекает и «Благонамеренные речи» для доказательства общей мысли о «смысловой и эмоциональной функции» библейских выражений.

Задача, которую мы перед собой ставим, сводится к контекстуальному комментированию библейских включений в ткань очерков. С этой целью анализируется содержательное и смысловое наполнение привлеченных автором библейских сцен, образов, афоризмов, раскрывается идейно-стилистическое своеобразие их бытования в щедринском тексте, а также сложные, иной раз опосредованные связи библеизмов с содержанием той или иной сцены, ситуации, с характером персонажа, с предметом обсуждения.

Библеизмы достаточно широко используются писателем и в речи рассказчика-повествователя, и в особенности в речи героев. Естественно, функции их различны, как и авторское наполнение сути библейских цитат и образов, и их стилистическая окраска. Каково же функционирование библейского текста в авторском повествовании, точнее в речи повествователя-рассказчика?

В очерке «К читателю», послужившем своеобразным «предисловием» ко всему произведению, писателю важно было показать связь содержания отдельных очерков с общей задачей цикла – «разоблачения такого фетиша, или “призрака” охранительной идеологии, как “благонамеренность”»⁵. Здесь библейская цитата еще не становится определяющим поэтическим средством сатирика. Он лишь однажды прибегает к ней в авторской характеристике «простеца» как собирательного образа «среднего человека», страдательного человека массы, жертвы правительственной политики «обуздания», призванной воспитывать в массах пассивность, бессознательность и покорность властям. Итак...

... «плоть немощна» и... «враг силен» (с. 15) – измененное евангельское выражение «дух бодр, плоть же немощна» (Матфей, XXVI, 41). В щедринском тексте очерка «К читателю» оно возникает в связи с размышлениями сатирика об «открытости» и «беззащитности» «простеца», «неизвестно зачем живущего» и «к чему стремящегося». Если, рассуждает Щедрин, «устранить из жизни простеца элемент бессознательности», «вы увидите перед собой человека, отданного в жертву непрерывному ужасу», «ужасу ввиду безрадостности существования» и «ужасу - ввиду угрызений, которые необходимо должны отравить торжество немощной плоти над бодрым духом». На этом афоризме построены и другие размышления автора-повествователя о невозможности «простеца» на что-нибудь «опереться», чтобы послать «бодрому духу» «справедливый укор» в том, что «немощная плоть» берет над ним «все-таки» и «почему-то» «верх» (с. 15).

Комментаторы «Благонамеренных речей» замечают, что Салтыков использовал это евангельское выражение «в качестве афоризмов «ходячей мудрости», «уличной философии», которые в системе «обуздания» противостоят «вмешательству разума в дела мира сего» и оправдывают «бессознательность, случайность и произвол» (с. 554). Выражение «плоть немощна»... «враг силен» превратилось в поговорку.

Путевые впечатления лета 1872 г., легшие в основу другого очерка – «В дороге», и возникшие в связи с поездкой Салтыкова по

делам общего с умершим братом Сергеем Евграфовичем имения Заозерья Ярославской губернии, возможно, также не требовали широкого обращения к Библии. Лишь однажды, вспоминая времена десятилетней давности (а это были 1861–1862 гг.), автор-рассказчик прибегает к цитате из Библии (Псалтири), чтобы воспроизвести настроение помещиков после отмены крепостного права: «...Я не был на родине ... с тех пор, как помещики взяли в руки гитары и запели:

На реках вавилонских – тамо седоном и плакахом...» (с. 21).

С этим текстом Салтыков связывает чувство сожаления владельцев усадеб в связи с потерей ими прежних прав и разорением «дворянских гнезд».

В Библии читаем (в переводе на современный язык): «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе» (Псалтирь, псалом 136) – это плач пленных иудеев по родине, захваченной «притеснителями» («Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня, десница моя»), Салтыков, таким образом, сравнивает психологическое состояние пореформенных помещиков с чувствами древних иудеев, находя у тех и других много общего: у иудеев отняли родину, без которой они не могут существовать, у российских землевладельцев – их собственность, без которой они потеряли свою силу и превосходство над крестьянами. Включение библейского текста делает авторскую мысль значительно выразительнее, тем более что рассказчик предваряет этот драматичный по своему содержанию текст ироничной фразой («взяли в руки гитары и запели») (с. 21).

Очерк «Охранители» (1874), в котором автор также использует библейское выражение, написан Салтыковым в связи с усилением репрессий правительства по отношению к разночинной интеллигенции, участвовавшей в «хождении в народ». «Охранители» – это те, кто «оберегал» существующий «порядок вещей» везде, где ему грозили распад и шатание. В очерке это такие яркие типы, как «бюрократ самого новейшего закала» молодой исправник Колотов; «здешний хозяин» трактирщик-кабатчик Пантелей Егоров, купивший имение бывшего предводителя дво-

рянства Морковкина, отсидевшего два года в яме за долги, а теперь – «в писцах у нотариуса»; отчасти «отец Арсений, бывший священник», а ныне «запрещенный поп», как его рекомендует разорившийся помещик Терпибедов, и др.

Этой когорте «благонамеренных» деревенского общества противостоят «неблагонамеренные» с точки зрения местных властей элементы, представленные прежде всего помещиком Анпетовым, принявшим «образ жизни» крестьян и «наравне с ними» обрабатывавшим землю (с. 50); земским деятелем Парначевым, занявшимся сыроварением, сторонником артельного труда, и «целым гнездом» других «неблагонамеренных», которых выслеживал Колотов и выяснял «настроение умов» (с. 50).

Автор-рассказчик, оказавшийся вместе с исправником на площади перед трактиром, заметил: «Из «заведения» до нас доносился бестолковый говор угощающегося люда, смешанный с звоном чайной посуды и с звуками «*miserere*», наигрываемого машиною» (с. 53).

«*Miserere*» в данном контексте – ария из оперы Дж. Верди «Трубадур» (1853), написанная на латинский текст 50-го псалма царя Давида (Псалтирь). С этими словами («*miserere*» – «помилуй мя, Господи!») Давид неоднократно обращался к Богу. Щедрин не случайно ввел в описание трактира, который «казался какою-то безобразною клоакой, населенной неугомонными, поедаящими друг друга гадами» (с. 53), звуки «*miserere*».

Можно двояко объяснить раздающиеся в этой обстановке «звуки *miserere*». Во-первых, псалмы, по толкованию «Библейской энциклопедии», кроме своего «учительного характера» (они связаны с хвалением, благодарением Богу), «исполнялись не только в тяжелые дни, но и во время различных трудов и занятий», а также служили «назидательным развлечением во время отдыха». Здесь же приводится «Слово на день Вознесения» св. Георгия Нисского, указывающего, помимо множества других функций псалмов Давида, и ту, которая определялась праздниками: они служили «на пиршествах веселием»⁶.

Во-вторых, в обстановке «заведения», поражавшего рассказчика «запахом прели, помоев, табачного дыма и кухонного чада»,

«бестолковым говором угощающегося люда», молитва «Помилуй мя, Господи!» (полный текст стиха: «Помилуй меня, Господи, по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои!») служила яркой иллюстрацией человеческих грехов.

С авторскими включениями в текст «Благонамеренных речей» библийского слова читатель встречается и в очерке «Опять в дороге». Здесь также сильны автобиографические моменты, связанные с поездкой писателя в родные места по делу о наследстве, когда он проезжал по разным губерниям и видел изменения пореформенной деревни, в частности, «ликвидацию» «дворянских гнезд» и появление «нового человека».

Рассказчик использует частично видоизмененное библийское выражение «течет млеко и мед» (у Щедрина – «кипела млеко и медом») (с. 219) при описании «в цветущие <...> времена» усадьбы «старого закала помещика» Григория Александровича Гололобова, у которого теперь эта усадьба – «дом не дом, казарма не казарма», «нигде – ни плетня, ни изгороди» (с. 219).

Сопоставляя прошлое и настоящее «дворянского гнезда», повествователь создает картину полного упадка помещичьего хозяйства, когда сам владелец «приходит к убеждению, что единственный для него выход – ликвидировать» (с. 217), ибо в новые времена (с освобождением крестьян) «всё составляет бремя для помещика: и вода, и небо, и земля, и даже собственный, приходящий к разрушению дом» (с. 217).

Включая в текст описания старой усадьбы известное место из Библии, автор стремился по контрасту воссоздать былую картину изобилия. В Священном Писании Господь воззвал «к Моисею из «горящего куста» и объявил свое намерение освободить сынов Израиля: «И иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и пространную, где течет млеко и мед, в землю Хананеев...» (Библия. В. 3. Исход, III, 2–8).

Сравнение прежней усадьбы Гололобова с землей «сынов Израиля», где «течет млеко и мед», дает возможность показать степень разрушения ее в новые времена, и это при всем том, что владелец когда-то

«слишком хорошо постиг тайны крепостного права» и мог «роскошествовать» (с. 219). Щедринское «кипела млеко», более экспрессивное, чем библийское «течет млеко», призвано было помочь читателю ощутить безмерное богатство и изобилие прежнего хозяина, который теперь «ютится» в «нагаженной» и «насоренной» горнице без окон и дверей.

В том же очерке «В дороге» рассказчик вводит в свой воображаемый монолог, внутренне обращенный к деревенскому хищнику-кулаку Хрисашке Полушкину, перифраз десятой из Моисеевых заповедей. В Библии она звучит: «Не желай жены ближнего твоего... ни вола его, ни осла его» (Библия В.3., Исход, XX, 17). В щедринском тексте это саркастически переосмысленное высказывание служит разоблачению одного из «столпов общества» Хрисашки, в былые времена служившего приказчиком, а теперь ставшего купцом, держателем 12 кабаков и лавочек, захваченного мечтой «о медали» (он ее видит во сне), устроившего себе в церкви амвон, обитый алым сукном («прежде здесь дворяне стаивали», а теперь он – «стоит да охорашивается» (с. 224), потому как теперь в округе он – «первый человек», перед которым все снимают «картузы» (с. 225).

И вот к этому Хрисашке, мечтающему отнять чужое добро («кубышку»), чужих жен, и обращается с иронически преувеличенным советом повествователь: «бери у него <у другого> все: и жену его, и вола его, и осла его...» (с. 230).

Очень интересно использование библийского текста в очерке «Кузина Машенька», в котором также немало личных впечатлений писателя, приехавшего в декабре 1874 г. в родные места на похороны матери. В своем имени он встретился со «стариком Лукьянычем», старостой, помогающим ему «нести иго собственности». Этот верный слуга, воспитанный крепостным строем и готовый «кому угодно горло перервать» или «вселенную разорить» в пользу хозяина имения, встречающий его «с обычным радушием», но и с легким, но «явным оттенком иронии» (с. 347), этот верный слуга «с любовью выискивает средства» «отравить... жизнь» своего господина: «он всегда имеет наготове или отвратительное известие, или какой-нибудь

такой безнадежный вывод, вследствие которого, – замечает рассказчик, – я непременно должен почувствовать себя в положении рыбы, бьющейся об лед». Люди эти, по замечанию рассказчика, «страдают особенною болезнью», которая называется «бессилием преданности»; они «никак не могут позабыть изречение: «Любляй наказует» (с. 347). Вот в таком контексте и возникает здесь библейское изречение, взятое автором из «Откровения Иоанна Богослова» (VI, 16) – с этими словами Дух от имени Бога обращается к одной из семи церквей: «Кого я люблю, тех обличаю и наказываю».

Цитата из Евангелия помогает раскрыть сложные психологические отношения между барином и мужиком как в дореформенное время, когда «папенька» героя «косил направо и налево», т. е. был резок и решителен в своих отношениях с подвластными ему крестьянами, так и в новую, пореформенную эпоху.

Библеизмами насыщена речь рассказчика в очерке «В дружеском кругу». Это объясняется острой полемичностью всего текста, посвященного теме «любви к отечеству» в интерпретации разных групп общества. Повествователь как бы вторгается в обсуждение опубликованного в газетах выступления эльзасского депутата Тейтча в германском рейхстаге, который осуждает насильственное отторжение Эльзаса и Лотарингии от Франции, провозглашая свою любовь к ней. Но слушающие «не поощряли» Тейтча, напротив, «осыпали его насмешками и бранью», «глумились над ним», когда он «объяснял, как сладко любить отечество и как сильна может быть эта любовь!» (с. 420).

Рассказчик в этой ситуации восклицает: «Что подумают те чистые сердцем, которые, говоря об отечестве, не могут воздержаться, чтобы не произнести: «Да будет забвенна десница моя, ежели забуду тебя, Иерусалиме!». Здесь сразу две выдержки из Библии. «Чистые сердцем» – из Нагорной проповеди Христа «блаженства» («Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» – Матфей, V, 8); так автор называет людей, которые действительно «чисты сердцем», нравственно беспорочны и тем самым могут приблизиться к Богу. Именно они произносят фразу о любви к Иерусалиму и верности ему. Они подобны

иудеям, оплакивающим свою утраченную родину: «Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня, десница моя» (Псалтирь, Псалом СXXXVI, 5).

Продолжая свою взволнованную оценку восприятия речи Тейтча членами немецкого «собрания», рядом с этими библейскими фразами рассказчик цитирует еще один фрагмент этого же псалма: «На реках вавилонских, тамо седохом и плакахом», замечая, что под его «сладкие звуки» засыпали в колыбели нынешние «пламенные юноши» (с. 420), которым были близки позиции Тейтча, осудившего присоединение Эльзаса и Лотарингии к Германии (он полагал, что «нельзя разумного человека заставить переменить отечество так же легко, как он меняет белье» (с. 419).

Библейский текст, таким образом, подчеркивает силу переживаний всех искренне любящих родину и тем самым усиливает эмоциональное воздействие на читателя (эта же фраза из 136 псалма была использована писателем, но в совершенно ином контексте, в очерке «В дороге», о чем см. выше).

Что касается последнего в цикле «Благонамеренные речи» очерка «Привет», вводная часть которого передает, по определению С. А. Макашина, «трагическую осложненность... патриотизма» автора (Т. 11, С. 626), возвращающегося в Россию после двенадцатимесячного пребывания за границей, то писатель в нем почти не прибегает к библейскому слову. Правда, во введении, как подметил комментатор, звучит библейский мотив «страшного суда» (с. 626). Он обнаруживает себя в охватившем рассказчика чувстве тревоги: «сердце робело», «саднящая тревога распространялась по всему организму» (с. 473), «охватывала беспредметная тоска», состояние «бессильной злобы раба» (с. 474), предавшегося «неизбежному року», «гнетущей силе обстоятельств» (с. 475).

И лишь однажды рассказчик, оказавшийся в окружении спутников – «представителей русской культуры», предававшихся «кулинарным воспоминаниям», заметил (в связи с упоминанием одним из попутчиков о российском поросенке, которого «днем с огнем не отыщешь» за границей), что «все вдруг засмеялись, но так любовно, как будто блудного сына обрели»

(с. 482). Здесь явно слышен отзвук евангельской притчи о блудном сыне (Евангелие от Луки, XV, 11–32), возвращение которого с покаянием к отцу было воспринято как праздник («отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду... дайте перстень на руку и обувь на ноги... приведите откормленного тельца и заколите: станем есть и веселиться»).

Эта евангельская реминисценция должна была помочь читателю представить характер и качество «любовного смеха» этих «русских культурных людей за границей» (в очерках «За рубежом» они названы «желудочно-половыми космополитами»).

В итоге можно констатировать, что библейский текст в авторской речи, правда, не столь обильный, как в речи персонажей, значительно обогащает содержательное, смысловое начало сатирического произведения и его стилистику. Именно разного рода библеизмы способствуют наиболее яркому и образному воспроизведению обстановки действия, той или иной сюжетной ситуации, созданию определенного эмоционального настроения у читателя, проявлению авторской оценки характера персонажа (чаще всего в иронических или саркастических формах). Несомненна роль изящно инкрустированного библейского слова в прояснении иносказательного смысла авторского текста. Заметим при этом, что библеизмы в «Благонамеренных речах» (как, впрочем, и в других сочинениях писателя) использовались в большинстве случаев в сниженном плане, для достижения сатирического эффекта. Нередко библейский текст вводился не дословно – автор мастерски обыгрывал его, трансформировал, сатирически переосмысливал, превращая в реминисценцию или даже аллюзию.

Обратимся теперь к тем местам щедринской сатиры, в которых библейское слово включено автором в речь персонажей.

В упоминавшемся уже очерке «Охранители» цитируется евангельский текст: «Терпением вашим спасайте души ваши», который вкладывается в уста отставного капитана Никифора Петровича Терпибедова, несколько видоизменяющего его: «В терпении хотим стяжать души наши...» (с. 58).

Напомним, что в Библии Христос, предсказывая разрушение Иерусалима, знамения и ужасы («глады и моры»), которые ждут

народ в будущем, просит его не бояться, ибо он даст ему (народу) «уста и премудрость, которой не возмогут противоречить, ни противостоять все противящиеся» ему. И прибавляет: «<...> Терпением вашим спасайте души ваши» (Евангелие от Луки, XXI, 6–19).

В этом очерке Терпибедов в разговоре с рассказчиком и отцом Арсением жалуется на нынешние времена и сожалеет о прошлом («Да <...> было наше времечко!»). Теперь же его усадьбу постигло разорение (по словам Пантелея Егорова, в бывшем «Монрепо» «не людям, а лягушкам жить» из-за давней «неисправности» крыши). Но главное, что гнетет обедневшего помещика, что «конфузит» его, – это потеря власти над «бывшими холопами» («никак забыть не можем»). И все же у него теперь сложился новый принцип поведения: «Смиримся-с. Терпим и молчим» (с. 58). В этом контексте и возникает неточная евангельская цитата («В терпении хотим стяжать души наши»), которую Терпибедов произносит несколько иронически, обращаясь за поддержкой к отцу Арсению («<...> так, что ли, батя?»). С помощью этого библейского изречения, осмысленного в соответствии с драматическим положением вчерашнего хозяина жизни, возникает образ человека хотя и «несомненно благонамеренного», но глубоко переживающего превращение усадьбы из «Монрепо» (мой отдых) в «Монсуфранс» (мое страдание) (с. 57).

Очерк Щедрина «Переписка» (1873), где также используется в сатирических целях библеизм, возник как острая реакция сатирика на «преобразования» судебных учреждений, начатые еще в 1864 г. По форме – это эпистолярное общение прокурора Батищева, представлявшего у автора «идею государственности» и защищавшего «государственный союз», с матерью. В своих письмах к ней он рассказывает о путях достижения должности обвинителя, о сути «содеянного» кем-либо «преступления» и о своей роли вершителя «высшей правды и справедливости». Его мать Надежда Батищева, зная «доброе сердце» своего сына, получившего к 28-ми годам место «товарища прокурора при <...> окружном суде», но мечтающего о «более высоком жребии», наставляет: «<...> если начальство твое желает <...> – обвиняй!».

Один из заветов христианской морали: «отвергни себя и возьми крест свой» (Евангелие от Матфея, XVI, 24) – в устах Надежды Батищевой «обогащается» целым рядом сентенций из других книг Библии. Яркая сатирическая фигура, Надежда Батищева обращается к библейским заповедям в письмах к сыну. Призывая своего сына «нести свой крест с смирением», она наставляет его сохранить «пламень» «благородных чувств», так как это «единственная наша отрада в жизни, где, как тебе известно, <пишет она> все мы странники, и ни один волос с головы нашей не упадет без воли того, который заранее все знает и определяет» (с. 75).

Библейские цитаты, несомненно, способствуют раскрытию характера героини, обращающейся к идее христианского смирения для вразумления сына. Она ханжески и с внешним сожалением говорит о «постигшей нас «воле», которую «надлежит» несколько остепенить» (с. 76). Той же цели: подчеркнуть лицемерие матери и ее «брatца Григория Николаича» – служат многочисленные включения в их речь ставших популярными библейских выражений («всё упование на тя возлагаю», «неисповедимы пути Божии» – С. 76). С их помощью Батищева, подобно Иудушке, оправдывает свои мысли, рекомендации и дела. Это своеобразная «защитительная» функция библеизмов.

В этом же очерке встречается обращение к Библии в совершенно противоположной ситуации и с другой целью. Феофан Филаретов, член «Общества для предвкушения гармонии будущего» (так сатирик шутливо-иронически называет различные революционные кружки и группы народнического толка), произносит резко обличительные слова в адрес царского суда и чиновников во власти, вообще всех высокопоставленных лиц: «Вы фарисеи и лицемеры! Вы, как Исав, готовы за горшок чечевицы продать все так называемые основы ваши!.. делаете из него <суда> или львиный ров, или сиренскую прелесть! <...> сами прелюбодействуете <...> крадете <...> и жрете Ваалу» (с. 83–84).

Широкое использование известных слушателям библейских образов и выражений придает речи подсудимого Филаретова особую экспрессивно-эмоциональную окраску.

«Фарисеи» – это древнеиудейская секта, отличавшаяся фанатизмом, лицемерием, корыстолюбием, внешним благочестием и внутренней нечистотой. Именно эти качества прежде всего и осудил Христос в своей гневной, обличительной речи, произнесенной перед крестными страданиями (Евангелие от Матфея, XXIII).

Упомянутый в инвективе Филаретова образ Исав, старшего сына Исаака, продавшего младшему брату-близнецу право первородства за горшок чечевичной похлебки (Б. В.З. Бытие, XXV, 29–34), должен был напомнить судьям, что они, подобно Исаву, продают такие «основы», как «семья, собственность, государство».

Сравнение суда с «львиным рвом» связано с тем, что, по Библии, именно в «львиный ров» был брошен завистниками один из трех князей царя Дария Даниил, несправедливо обвиненный «наместниками, сатрапами, военачальниками» в том, что он молится не царю, а своему Богу, но спасшийся от львов именно с помощью своего Бога, «заградившего пасть львам». Даниил так объяснил царю такой исход событий: «...я оказался пред Ним чист, да и перед тобой, царь, я не сделал преступления» (Б. В.З. Книга пророка Даниила, VI, 1–23).

Таким образом, понятие «львиный ров» в контексте речи Филаретова означает жестокую и несправедливую расправу с невиновным. «Сиренская прелесть» – это обольщение, соблазн с помощью сладкогласия. «Крадете», «убиваете», «клянетесь лживо», «прелюбодействуете» – известные заповеди Моисея, нарушение которых служило смертным грехом: «не кради, не убий, не прелюбодействуй, не произноси ложного свидетельства» и др. (Пятая книга Моисеева. Второзаконие. V, 16–21). «Жрете Ваалу», т.е. поклоняетесь, приносите в жертву Ваалу, языческому божеству, боготворимому в Фегоре. Служения и празднества в его честь сопровождались развратом (Четвертая книга Моисеева. Числа. XXIV, XXV, 1–6).

Обилие в речи подсудимого библейского текста обличительного характера и большого эмоционального накала дает возможность писателю ярче обозначить позицию Филаретова. Даже прокурор Батищев отметил его «пламенное убеждение», и хотя слова

«жрете Ваалу» счел «слишком уж смелыми», нашел в этой смелости «что-то рыцарское» (с. 84).

Оснащенная библеизмами речь Филаретова, несомненно, близка и автору. В ней слышно неприятие современного суда, официального нового (с 1864 г.) правосудия с его безнравственностью и подкупностью. Именно библейские выражения и образы придают всему тексту высокую, торжественную, карающую тональность.

Очень богат библейским текстом очерк «Отец и сын», в драматических формах повествующий о смене в деревне «хозяев жизни». Здесь много фигур, контрастно противостоящих друг другу, много диалогов, стимулирующих действие, и многочисленные изречения из Священного писания обогащают характеры персонажей, делают их психологически сложнее или сатирически обнаженные.

В одной из сцен очерка воспроизведена ситуация мушкетирования слухов в дворянской среде об отмене крепостного права.

Встревоженный разноречивыми слухами, генерал Утробин вначале обсудил этот вопрос с сыном Петенькой, служившим в Петербурге и бывшим, по ироническому замечанию автора, «в курсе всех дел» в связи с посещением «танцклассов». Петенька «удостоверил», что «никакого» освобождения не будет, а будет «только так» (с. 174). Терзаемый сомнениями, генерал после отъезда сына съездил в город к губернатору, потом к архиерею, чтобы «окончательно удостовериться», что «зла не будет». «Губернатор, человек старого закала», заметил с улыбкой, что «хотя подобные слухи и распространяются врагами отечества, но что верить им могут только люди, не понимающие истинных потребностей России» (с. 174). Именно после этого объяснения, переданного автором в косвенной речи, следует обоснование «преосвященного», подтверждающего истинность слов губернатора. Он, подчеркивает автор, «прямо сказал, что как в древности были господа и рабы, так и наперед сего таковые имеют остаться без изменения» (с. 174).

При второй встрече с архиереем, когда «в конце 1857 года уже сделан был первый шаг к разрешению крестьянского вопроса» (с. 175) и «преосвященный» круто изменил

свое мнение по этому вопросу («истинно любезна для христианского сердца минута сия была»), генерал Утробин в страшном волнении напомнил слова архиерея о господах и рабах (с. 176).

В чем же смысл этой завуалированной ссылки на библейскую притчу о Симе, Хаме и Иафете?

Как-то, уже после потопа, Ной, выпив вина, «лежал обнаженным в шатре своем». «И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего и, вышедши, рассказал двум братьям своим», которые «покрыли наготу отца своего», не глядя на него.

Следствием такого непочтительного отношения Хама к отцу стало проклятие рабства: «раб рабов будет он у братьев своих»: у Сима («будет рабом ему») и у Иафета («будет рабом ему») (Б. В.З. Бытие, IX, 21–27).

По-видимому, именно эту легенду имел в виду преосвященный, чтобы подчеркнуть неосновательность сомнений генерала в неизменности и прочности издревле заведенного порядка вещей. Именно в библейском тексте герой и находит подтверждение своим идеям относительно вечности существования господ и рабов. Эту же историческую параллель припоминает отец Алексей, усовещивая «мелкопоместного» Анпетова, пахавшего землю «заодно с мужиками» (с. 195).

В разговоре с управляющим Стреловым, яркой фигурой нового молодого хищника в деревне, генерал Утробин пытается найти обоснование своему резкому осуждению поведения Анпетова (этого «негодяя», «нигилиста») в ссылке, правда, неточной, на Евангелие от Иоанна: «Пасите овцы ваша».

Цитируемое выражение восходит к эпизоду явления Христа семи ученикам при море Тивериадском. Когда он троекратно вопрошал одного из них (Симона Петра): «Симон Ионин! Любишь ли ты меня больше, нежели они?», - Петр трижды отвечал: «Так, господи! Ты знаешь, что я люблю тебя». И Иисус каждый раз повторял: «паси овец Моих» (XXI, 16).

В устах Утробина приведенная фраза из Писания призвана была аргументировать его позицию относительно тех, кто проявлял вредные для общества «новаторские рвения», кто был непосредственно причастен к «реформаторской приткности века» (с. 190). Имен-

но к этой категории людей он и относил «нигилиста» Анпетова. Генерал считал, что яд, который разливает этот, по определению управляющего Стрелова, «нестоящий человек», разрушает традиционную систему отношений между бариним и мужиком, при которой каждый должен заниматься своим делом: крестьянин пахать и сеять, а помещик – управлять, чтобы не уронить свою дворянскую честь. Таким образом, цитата из Евангелия, приспособленная героем очерка применительно к сложившимся в его имении обстоятельствам, служила своеобразным заключительным аккордом в его оценке поступка Анпетова («звание дворянина унижает! <...> Землю пашет <...> сам! сам! сам с сохой по полю ходит! Это – дворянин-с!» (с. 193). «А что в Писании сказано? «Пасите овцы ваша» – вот что сказано!» (с. 191).

В борьбе с «ядом» «нигилизма» Анпетова генерал Утробин решил привлечь батюшку Алексея, который должен был «усовестить» его. Но при встрече Анпетов, выслушав аргумент «отца»: «всегда были господа и всегда были рабы», – легко отвел его, возразив: «А теперь вот рабов нет!» (с. 193). Тогда генерал «взялся написать» «краткое поучение», которое батюшка должен был прочитать в одну из воскресных служб, напомнив «братии», в частности, об «отце лжи», о том, что «между нами появился один из ревностнейших аггелов его» (с. 194). Речь шла о «человекоаде» Анпетове, «сеющем плевелы» и «грехопадения» (с. 194). «Отец лжи» – это сатана, а «аггел» – злой дух, приспешник сатаны.

В Евангелии от Иоанна Иисус в споре с иудеями, причисляющими себя к «семени Авраамова», пытается убедить их, что он «от начала Сущий»: «Если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел, ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня... Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине... он лжец и отец лжи» (VIII, 25–44).

Совершенно ясно, почему генерал в сочиненной им проповеди вспомнил именно эти слова Иисуса, наполненные гневом и болью. Использованные здесь выражения вполне соответствуют обличительному характеру поучения, обращенного против «заблуждающегося», подобно иудеям, Анпетова.

Очерк «Отец и сын» настолько драматичен, что многочисленные обращения к Библии придают ему еще большую напряженность и эмоциональную выразительность.

В этом смысле важно учесть и несобственно прямую речь молодого генерала, ссылающегося в своем разгоряченном сознании на евангельскую притчу о рабе, зарывшем в землю «талант» (монету). Эта притча используется Щедриным в очень напряженной сцене свидания отца и сына Утробиных. Старый генерал сбывал одно за другим выкупные свидетельства и «вырученные деньги отсылал в Петербург на поддержание Петенькиной карьеры» (с. 206). Молодой генерал, узнав однажды, что денег больше нет, явился к отцу «взбешенный и совершенно не понимающий», как мог произойти такой крах. При свидании со старшим Утробиным Петенька «смотрел строго, как будто приехал судить старика. «Раб лукавый! – как бы говорил его холодный, почти стеклянный взор, – куда ты зарыл вверенный тебе талант?» (с. 206).

В библейской притче о «рабе лукавом» господин, уезжая, поручил рабам своим имение и дал «каждому по его силе» таланты: «одному дал пять», «другому – два», «иному один». Первые два раба вложили в дело свои таланты и, получив с них прибыль, отдали господину, а третий «закопал его в землю и скрыл серебро господина своего» (Матф., XXV, 14–30).

Петенька неточно процитировал лишь часть известной притчи, тем не менее гневная интонация библейского текста («лукавый раб и ленивый», «негодного раба выбросьте в тьму внешнюю») соответствует степени раздражительности вышедшего из себя сына («Это черт знает что! ... Вы! вы!...» (с. 207)) и ярче оттеняет трагическую безысходность старого генерала, вынужденного в конце концов отдать Петеньке «последнее выкупное свидетельство, с доверенностью на продажу его».

Очерком «По части женского вопроса», в котором не однажды герой и рассказчик обращаются к библейскому тексту, Салтыков включился в острую дискуссию по вопросу о роли женщины в обществе и ее праве на участие в общественной и профессиональной

деятельности. Позиции самого писателя здесь очень сложные и неоднозначные (см. комментарии к очерку, т. XI, с. 592–594), но важно также то обстоятельство, что автор выступает в этом сочинении с резкой критикой русского либерализма (в частности, правительственного, консервативного) в лице ее яркого представителя Тебенькова, этого «с независимым видом лающего русского человека», усматривающего «поругание» «над женской стыдливостью» даже в стремлении женщины учиться в медико-хирургической академии или слушать лекции в университете. В этом он видит нарушение «приличий», одного из «краеугольных камней» общества (с. 264–267).

Тебеньков, вспоминая поведение некоторых женщин на вечере, посвященном женскому вопросу, и возмущаясь тем, как вели себя отдельные «феминистки» («А, черт возьми! Негодяйки!»), цитирует ироническое высказывание одной из них: «А вы, говорит, милый старец, и до сих пор думаете, что Ева из Адамова ребра выскочила?» (с. 265–266).

Известный миф о сотворении Богом Евы из Адамова ребра (Б. В.З. Бытие, II, 21–24) в контексте очерка звучит как неприятие мысли о «вторичности» женщины. Настроенные весьма радикально «дерзкие» женщины, претендующие на активную роль в обществе, полупрезрительно относящиеся, по словам Тебенькова, к «авторитету благоразумия и опытности», надругавшиеся «над женским стыдом» (с. 264), с негодованием и сарказмом отнеслись к «милому старцу», с его проповедью «святого невежества женщины», ее «прелестного аромата невинности, его требованием «приличия», отсутствие которого, по его мнению, подрывает «общественные основы» (с. 267). Неверие одной из оппоненток Тебенькова в непреложность библиейской истории об Адаме и Еве выразилось, в частности, и в употреблении семантически сниженного глагола «выскочила» вместо высокого библиейского «создал», «сотворил».

Эмоциональная напряженность возражений Тебенькова достигает такой высоты, что в споре с повествователем он сам обращается к библиейскому тексту – «Я умываю руки», произнесенному по-французски: «je me lave les mains!» (с. 267). Не находя больше аргументов в пользу своего заявления,

что «женщина» – это «святыня», Тебеньков и произносит эту фразу, которая в Библии прозвучала в рассказе о Пилате. Последний несколько раз спрашивал «народ», «какое зло» сделал Иисус, но те только повторяли: «да будет распят!». И тогда Пилат, «видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом и сказал: невиновен Я перед Праведником Се-го; смотрите вы» (Матф., XXVII, 17–24).

Тебеньков тоже «умывает руки», считая себя невиновным в разгоревшихся спорах вокруг «женского вопроса», обстоятельствами принужденным устранившись – по ходу действия «исчезнуть в темноте переулка» (с. 268).

Этот, по определению повествователя, «столп русского либерализма», излагая свою теорию «никогда ничего прямо не позволять и никогда ничего прямо не воспрещать» (с. 271), чтобы «обратить заблудших на путь истины» (с. 272), вновь прибегает к выражению «я умываю руки», когда видит, что не может достичь положительного результата в воспитании тех, кто проповедует «своевольность», «непризнание авторитетов» (с. 272). При этом Тебеньков заявляет, что «уступает место князю Ивану Семеновичу», воплощающему «ад реакции» и потому прекращающему всякое «либеральное пиршество» и выполняющему, по словам Тебенькова, роль «божиих бичей» (выражение из Книги пророка Исаяи, X, 5, 26), которые очищают воздух (в Библии – наказывают тех, кто творит «несправедливые законы и пишет жестокие решения»).

В очерке «Еще переписка» продолжается развенчание «благонамеренных речей» в области морали. С одной стороны – безнравственная мать, проповедующая «прелюбодеяние» под лицемерным прикрытием внушаемых сыну слов «любовь – это святыня»; с другой – не менее циничный ее сын Сергей Проказнин (молодой офицер!), руководствующийся в своей жизни такими формами поведения, как «хватай, лови, пей, ешь и веселись».

Объясняя поведение возможной любовницы ее сына Полины, выбравшей того, кто потекает ее страсти к нарядам (казначей), и вынужденной, по словам Натальи Проказниной, признать его заслуги и вместе с тем его

«право на вознаграждение» (с. 332), мать Сергея оправдывает стремление женщины выглядеть «обольстительной и желанной» и потому идущей на все: на «борьбу, покорность, обман, унижение, предательство, слезы» и даже, замечает она, – на «забвение седьмой заповеди» (с. 331). Эта заповедь Моисея (Б. В.З. Исход, XX, 14) гласит: «Не прелюбодействуй». С ее помощью героиня прикрывает свое лицемерие, оправдывая безнравственное поведение сына и толкая его на «прелюбодеяние».

В очерке «Непочтительный Коронат» (1875) Щедрин продолжил обсуждение проблемы «отцов и детей», остро возникшей в 60-е годы. И теперь, в середине 70-х, этот конфликт оставался знаменем времени. Героиня рассказа Мария Петровна, помещица патриархальная и консервативно настроенная, возмущена желанием своего сына Короната «оставить юридическую часть и пойти по медицинской». Это его решение она расценивает как проявление «непочтительности»: «Ежели родители что желают, то дети должны повиноваться», «дети должны почитать родителей». В качестве главного аргумента она ссылается в разговоре с братом на библейскую легенду о праотце Ное и его непочтительном сыне Хаме: «... бог непочтительным детям потачки не дает! Вот Хам. Что ему было за то, что отца родного осудил! И до сих пор <перебрасывает она мостик в ее времена. – Г. С.> хамское-то племя...только недавно милость им <крепостным – Г. С.> дана!» (с. 393)⁷.

В споре о роли юридической карьеры, отвергнутой Коронатом, принял участие, кроме брата Марии Петровны, ее зять Добрецов, который, по словам его жены, «целую шайку подметчиков изловил» (имеются в виду распространители «подметных» писем, т. е. прокламаций). Именно Добрецов считал, что общество нуждается в юридической защите «против современного направления умов», «против незрелых <...> нетерпимых теорий <...> известной части молодого поколения» (с. 402) (речь идет о правительственной расправе с народническими кружками, в которой в охранительном усердии принял участие Добрецов). <Подробнее см. об этом в комментариях к рассказу «Непочтительный Коронат», т. 11, с. 606–609>.

В своем полемически заостренном ответе рассказчику зять Марии Петровны произносит такую фразу: «Следствие будет мертво, если в него не вложен дух жив. А вот этот-то дух жив именно и дается юридическим образованием <...>» (с. 402–403). «Дух жив», или «дух жизни» – библейская лексика, заимствованная из Бытия (II, 7) или Послания к римлянам (VIII, 2, 9, 10). В контексте щедринского очерка, в речи Добрецова, она имеет цель подчеркнуть особое усердие, рвение следователя в отыскании «оуждающих» (неблагоденных). Один только Поль Добрецов «пятерых в острог засадил» (с. 398).

Очерк «В дружеском кругу» (1874), построенный на широком использовании диалогической формы и представляющий спор двух общественных направлений, двух философий жизни, посвящен вопросам патриотизма, власти и религии. Один из спорящих (Тебенков) отстаивает принцип государственности, другой (Плешивцев) защищает теорию официальной народности. В этой «беспощадной полемике» они в конце концов вынуждены признать: «в сущности, мы ни по одному вопросу ни в чем не расходимся», «вся наша полемика есть не что иное, как большое диалектическое недоразумение» (с. 429). <Подробнее о содержании очерка и позициях героев см. Примечания С. А. Макашина, т. 11, с. 610–611>.

Оба персонажа считают, что государство немислимо без религии. Оба они «усердно» выполняют требуемые религией обряды. Только Тебенков считает, что религиозность не бесполезна «как средство обратить на себя внимание начальства», а Плешивцев «религиозен без надежды на повышение» (с. 416). На этой почве между друзьями-врагами произошло одно из столкновений. Плешивцев упрекает Тебенкова за то, что он «постное жрет» только потому, что их начальник «князь Иван Семеныч посты блюдет». Тебенков неожиданно парирует: «А кто в прошлое воскресенье князю Ивану Семенычу просвирку принес?»

– Я принес! Но не страха ради иудейска принес, а потому, что в этом приношении любви действие проявляется!» (с. 416).

Выражение «страха ради иудейска» имеет своим истоком Евангелие от Иоанна, где говорится об Иосифе из Аримафеи, уче-

нике Иисуса, «но тайном – из страха от иудеев», который «просил Пилата, чтобы снять Тело Иисуса» (XIX, 38).

В тексте «Благонамеренных речей» Плешивцев, употребивший это выражение, хотел подчеркнуть, что все в мире должно основываться на любви, а не на страхе перед властью имущими или перед какой-либо другой силой. Но поскольку рассказчик несколько раз обращает внимание читателей на формальные расхождения во взглядах Тебенькова и Плешивцева (оба друга, иронически замечает он, «вполне благонамеренные люди. Оба признают необходимость «почвы», оба консерваторы, оба сторонники аристократического принципа, оба религиозны, оба разделяют человечество на пасущих и пасомых, оба уважают народность» – с. 417), постольку использованный героем в свое оправдание евангельский текст «страха ради иудейска» является проявлением не принципиальных разногласий, а «различий темпераментов», как замечает рассказчик (с. 418).

Библейская цитата как неопровержимый аргумент в споре героев использована Щедриным в очерке «В погоню за идеалами» (1876), возникший уже после фактического завершения «Благонамеренных речей». Он посвящен вопросу о государстве и государственности, художественно исследуемом писателем в таких главах цикла, как «В дружеском кругу» и «Тяжелый год». В комментируемом тексте мать и сын Терпуговой касаются в разговоре темы государства, но в сильно сниженном, опошленном содержании. «Почтенная старушка», узнав, что ее сын получил место «обер-секретаря в сенате», решила использовать его положение для решения своего личного вопроса «о лугах», которые то «отдадут» ей «во владенье», то «отнимут» в пользу «птенцовских мужиков» (с. 438). В ответ на ее надежду, что сын решит проблему быстро и выгодно, он с возмущением проговорил: «Ах, маменька <...> Я ведь не личным своим интересам, а государству служу». Мать парировала: «Так что же что государству! Государство – само по себе, а свои дела – сами по себе. Об своих делах всякий должен радеть <...>». И в этой связи она в качестве неопровержимого аргумента ссылается на Священное Писание: «Ты знаешь ли, что в Писании-то сказано: имущему прибавится, а у неимущего и последнее отнимется!» (с. 438).

Это – несколько измененный евангельский текст: «Всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Евангелие от Матфея, XXV, 29). В Евангелии эти слова «господина» относятся к одному из трех рабов, который «скрыл свой талант в земле», а не приумножил его. «Почтенная старушка» не восприняла иносказательный смысл евангельского текста, о чем ей сказал сын: «Это, голубушка, совсем не в том смысле сказано!» (с. 438).

При сохранении общего смысла притчи, ситуация и цели включения этого высказывания иные: героиня использовала библейский текст для обоснования своих корыстных целей. И хотя сын «втолковывал старухе», «что такое государство и почему чувство государственности должно иметь верх над чувством индивидуализма» (с. 438), «года через два процесс о птенцовских лугах был кончен» в пользу... Терпуговой. По-видимому, некоторую роль в этом сыграли ее аргументы, заимствованные из Священного Писания.

Как видим, библейский текст в речи персонажей богат и разнообразен по своим функциям. Это объясняется, во-первых, тем, что он включен в диалоги героев неоднородной социальной среды, идеологической ориентации, психологического склада, нравственных убеждений. Во-вторых, значительно шире оказывается сюжетно-ситуативное использование цитаты из Священного Писания. Наконец, велика роль полемических диалогов персонажей, обогащенных библейским словом, к которому они прибегают как к самому убедительному аргументу в споре.

В языке героев, как мы пытались показать, библеизмы служат средством самоанализа и самохарактеристики, способом оценки суждения оппонентов. К ним прибегают участники событий и для демонстрации своих религиозных взглядов, которые иной раз провозглашаются формально, из соображений внешнего единства с той средой, в которой они оказываются волей случая.

В целом же, как и в других сочинениях, Библия создает очень яркий культурологический фон и служит одним из действенных, художественно убедительных приемов щедринской сатиры.

Примечания

¹ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин М., 1976. Т. 19, кн. 1. С. 194. Далее ссылки на издание даются в тексте.

² Многоуровневый анализ «Благонамеренных речей» как цикла представлен в работах: *Бушмин А. С.* Сатира Салтыкова-Щедрина / А. С. Бушмин. М.; Л., 1959. Гл. 4; *Покусаев Е. И.* Революционная сатира Салтыкова-Щедрина / Е. И. Покусаев. М., 1963. Гл. 6; *Кузнецов Ф. Ф.* Благонамеренные речи: [Вводная ст.] / Ф. Ф. Кузнецов // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. / гл. ред. С. А. Макашин. М., 1971. Т. 11; *Макашин С. А.* Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е годы: биография / С. А. Макашин. М., 1984.

³ *Матвеева Н. П.* Библизмы в русской словесности: словарь-справочник / Н. П. Матвеева // Русская словесность. 1993. № 2–5; 1994. № 2–6; 1996. № 1–2 и др.

⁴ См.: Русская речь. 2001. № 2.

⁵ *Макашин С. А.* [Вводная заметка к очерку «К читателю»] / С. А. Макашин // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М., 1971. Т. 11. С. 550. Далее ссылки на издание даются в тексте.

⁶ Библейская энциклопедия / труд и изд. архимандрита Никифора (М., 1891). Репринт. изд. М., 1990. С. 584–585.

⁷ Разъяснение смысла этого библейского сюжета смотри в разделе втором статьи, посвященной очерку «Отец и сын».

УДК 882.09-94+929 Салтыков-Щедрин

ТВОРЧЕСТВО М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В ЖУРНАЛЬНЫХ НЕКРОЛОГИЧЕСКИХ ОТКЛИКАХ (предварительные заметки)

И. А. Книгин

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: Philology@sgu.ru

Обосновывается необходимость обращения к некрологическим статьям, появившимся после кончины того или иного писателя, говорится о значении публикаций некрологического и мемуарно-биографического характера, объединивших вокруг имени М. Е. Салтыкова-Щедрина представителей разных эстетических и литературно-критических ориентаций.

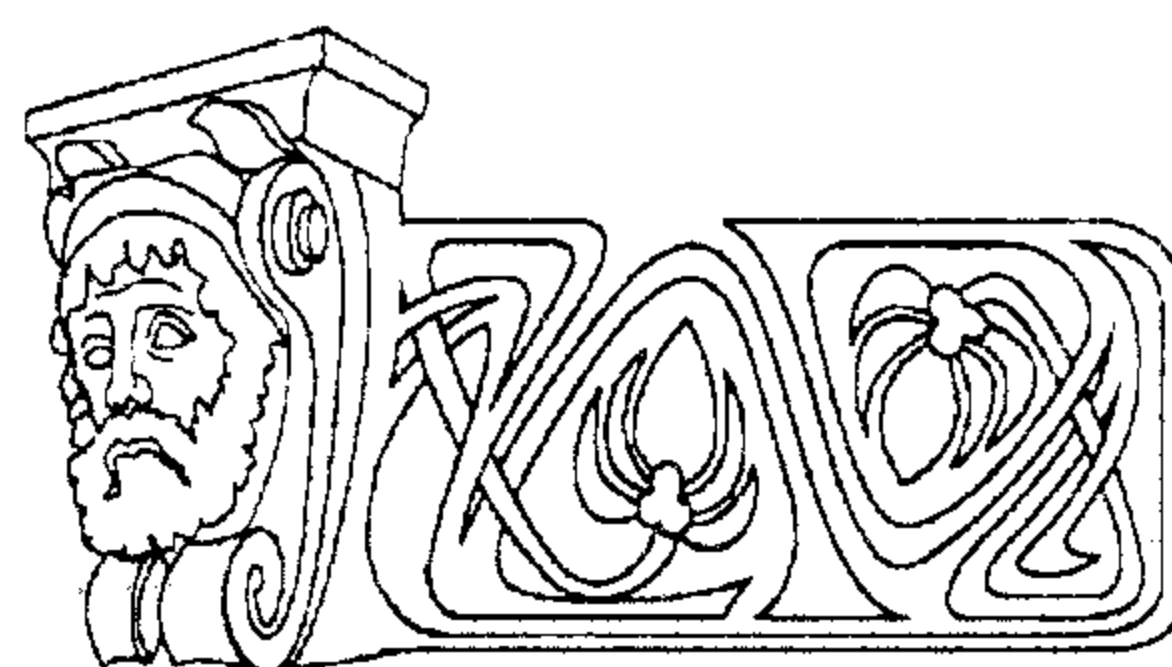
**The works of M.E. Saltykov-Shchedrin in magazine obituaries
(preliminary notes)**

I.A. Knigin

The article substantiates the necessity of addressing obituaries and asserts the importance of obituaries, memoirs and biographical publications that consolidated people of different esthetic and literary critical persuasions around the name of M. E. Saltykov-Shchedrin.

Сегодня по-разному можно относиться к минувшему, расставлять различные по сути своей акценты и ударения, но то, что осталось публично зафиксированным в разнообразных изданиях, остается непреложным фактом.

Чтобы не отвлекаться на субъективные наблюдения и обобщения, приведу такой пример. В 1981 г. в популярном издательстве «Современник» в серии «Библиотека «Любителям российской словесности. Из литературного наследия» увидела свет подготовленная профессором И. В. Кузнецовым книга

«Часть общепролетарского дела: Литературная критика в дореволюционных большевистских изданиях». Хорошая, безусловно, полезная и содержательная книга. Обращают же на себя внимание, в первую очередь, произвольно и лакейски подобострастно составленные примечания. Судите сами. На странице 364, скажем, можно прочитать: «Аякс – псевдоним буржуазного критика и беллетриста А. А. Измайлова. <...> Глинский Б. Б. – редактор консервативно-монархического журнала «Исторический вестник». Журнал издавался в Петербурге с 1880 по 1917 год. <...> Мазуркевич В. А. – поэт-декадент. <...> Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) – русский советский поэт. <...> П. Я. – Якубович Петр Филиппович (1860–1911), русский поэт, как революционер-народник, в 1887–1903 гг. отбывал каторгу и ссылку»¹. В таком же духе вопиющей нетерпимости составлены все примечания к названному изданию.

Существенно другое: подобная тенденция, связанная с восприятием творчества Салтыкова-Щедрина, легко прослеживается